

Виктор Быхков

*Ожидание
матери*

*остросюжетная
повесть*

Виктор Бычков
Ожидание матери

«Издательские решения»

Бычков В.

Ожидание матери / В. Бычков — «Издательские решения»,

В опустевшей деревне живёт старушка. Живёт ожиданием дочери.
Перенесшая тяжёлые испытания, она надеется, что её старость не будет
одинокой. Но жизнь преподносит ей новые испытания.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ожидание матери
остросюжетная повесть
Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Бабушка Христя живёт ожиданием.

Вот уже более десяти лет она ждёт и ждёт. Только проснётся, так сразу же начинает ждать. И так весь день, пока не засыпает к ночи чутким сном. Ей уже кажется, что и во сне она ждёт. Впрочем, почему кажется? Так оно есть: и на самом деле, чувство ожидания преследует её и во сне. Вроде и спит-дремлет, а сон тот чуткий, в полглаза, тревожный. Мышь заскребётся в углу под полом, кошка заворочается на печке, петух в курятнике вскрикнет спросонья, ставенка от ветра скрипнет, а она тут же подхватывается. Сердечко заволнуется, затрепещется, сама кинется к окну, замрёт там, в темноту вглядываясь, прислушиваясь к ночи: показалось, иль на самом деле кто-то стукнул в окошко? А, может, шаги чьи-то? Может, дочка или кто-то из внуков поспешают к бабушке, а она не торопится открыть дверь, не встречает дорогих, долгожданных гостей? Но собачонка Булька молчит: значит, снова обманулась, привиделось опять.

Как наваждение, как болезнь это ожидание преследует её последние годы. Она уже не один раз корила себя:

– С ума схожу, что ли? Так и сдуреть можно. Или уже сдурела, старая? Хорошо, что никто не видит.

Снова ложилась спать, но уже не спала: так, вроде дрёма не дрёма и сон не сон.

Поднималась всегда раньше солнца: привычка ещё из детства. С семи лет осталась без мамы: умерла от плохой болезни, оставив мужу четверых детей, старшей в ту пору исполнилось всего-то семь годочков. Отец не стал жениться другой раз, доверив воспитание младших и всю женскую домашнюю работу старшей дочери Кристине. Они тогда только-только вышли из общины, взбились на собственную землю – двенадцать десятин было у Сазоновых. Так и втянулась с тех пор в крестьянскую работу. «Впряглась в телегу и тащу этот воз, как ломотовая лошадь», – иногда зло шутила над собой бабушка Христя.

Она наладилась вспоминать, и вдруг её как осенило: так чувство ожидания проявилось не десять лет назад, а раньше, много раньше! Да-да. С того времени, как заболела мама в далёком-далёком детстве.

Бабушка хорошо помнит, помнит, будто это случилось не несколько десятилетий назад, а на днях, только-только. Настолько свежи те события, настолько ярок и зрим образ мамы, настолько реальны те детские чувства, чувства маленькой девочки Христи. Даже всплыли запахи из того далёка, заполнили избу, ещё больше обострив ощущения, придав им реальность сегодняшнего дня.

Мамка лежала в передней избе за печкой. А лампа была подвешена за матицу по центру комнаты, но кровать с мамой всегда была в тени. Как раз печка и закрывала свет от лампы. И пахло нежилым, хотя пол был вымыт начисто, выдраенный голиком, сиял чистотой. Стены, печка, потолок свежо побелены. А всё равно не было того, прежнего запаха чистоты и свежести, а пахло чем-то разложившимся, гнилым. Потом, спустя годы, девочка поймёт, что так пахнет смерть – отжившими человеческими клетками. И эти запахи смерти отравляли и так не очень радостную жизнь крестьянской семьи.

А тогда... Кристина очень-очень хотела подойти к маме, прижаться к ней и ни о чём не говорить. Просто прижаться и стоять. Но девочку не пускали за печку. И ещё она боялась. Как-то украдкой из-за печки Христя долго-долго тайком смотрела на маму, и она ей казалась неживой. Лицо было серым, нос, скулы – заострившимися, а глаза – впалыми. И она совершенно не походила на ту маму, которую хотела увидеть семилетняя дочь, которую она помнила и знала. Та, прошлая мама, не кашляла так страшно, не отхаркивала кровь в кусок серой тряпки, что держала всё время на груди. Вот поэтому и боялась смотреть, как на мёртвую.

Хотела видеть иной, а видела, будто неживую. Страшно смотреть на мёртвых, тем более – на мамку.

Как только хозяйка заболела, всё и все в доме подчинились её болезни.

Осунулся, похудел папа. Младшие сестрички Лиза и Поля перестали капризничать, больше не дрались, а тенью ходили по избе, не проронив иногда за день и слова. Их лица разом повзрослели, даже появились старческие морщинки под глазами. И сами глаза больше не искрились радостью, которая буквально сквозила из них раньше.

Только полугодовалый Ваня не переставал плакать. Все говорили, что мальчик требует мамкину сиську, а ему бабушка Мотя готовила суслу. Сначала жевала беззубым ртом кусочек серого хлеба, потом это месиво заворачивала в марлю и давала внуку. На какое-то мгновение Ваня замолкал, чтобы тут же разразиться новым криком. Осипший, засыпал на руках у Христя. Почему-то он выбрал её руки, руки семилетней сестры. Хотя в избе всегда была бабушка Мотя – мамина мама. Однако только Христя могла на время успокоить брата, покормить с ложечки кашей, что готовила бабушка, дать испить козьего молока, и уложить спать.

Папа приезжал с работы, с порога окидывал вопрошающим взглядом домашних, и только потом шёл в переднюю комнату. О чём он говорил с мамой – Христя не знает. Она лишь видела, как папа каждый раз опускался на колени перед кроватью, облакачивался на постель, касался головой маминого тела, и долго-долго стоял так. Молчал. Иногда у него вздрагивали плечи. И мама молчала. Только из глаз её всё катились и катились слёзы. И стекали они по серым щекам, падали на подушку, исчезали в ней. Это Христя помнит хорошо. И ещё мама клала руку на голову папе и тихонько перебирала пальцами волосы. Правда, до этого папина голова была тёмной, а тут вдруг стала белой-белой. Тогда маленькая Христя не понимала причины, а спросить у папы стеснялась.

Именно в те дни появилось первое осознанное чувство ожидания. Девочка ждала, что вот-вот мама поднимется, встанет с кровати, выйдет из-за печки на свет и улыбнётся, как когда-то, и станет той, прежней мамой. Ждала, что она же покормит в конец искричавшегося Ваню грудью, и он успокоится.

Ждала, когда посветлеет лицо у папы.

Ждала, когда сестрички снова будут похожи на прежних близняшек-хохотушек и драчунный.

Ждала, что папа разроет могилу, и мама обязательно вернётся домой. Хотя к тому времени умом понимала, что оттуда люди не возвращаются.

Ждала, когда Ваня наконец-то вырастет и станет ходить и есть самостоятельно, слезет с её рук.

Ждала, когда закончиться работа по дому и по хозяйству, и она наконец-то хорошо выспится.

Ждала, что отпустят к сверстникам погулять на улице.

Ждала, когда у неё от тяжёлой работы перестанут болеть руки, ноги и спина.

Ждала, когда закончится жатва, и можно будет не брать в руки опостылевший и ненавистный серп.

Ждала, когда корова Марта запустится перед отёлом и можно будет её не доить. Ведь детские ручки так болели, так болели, пока Христя выдоит всё молоко до капельки, что потом ныли всю ночь. Кисти рук крутило, выворачивало, не давая девочке спать. Даже в кулачок пальцы сжимались с трудом, с болью. А утром надо было вставать и снова садиться под корову и доить... доить... доить. И руки страсть как болели.

А её ждали ещё куры, свиньи, гуси. Надо было сварить два ведёрных чугуна картошки для скотины, нарвать лебеды, порубить секачом, сделать мешанку, накормить животину. Прополоть грядки. Приготовить еду, накормить младших. Убраться в доме. Постирать бельё, отнести его на речку, прополоскать там.

Ждала, когда новые большевистские власти вернут обратно отнятые землю и скот.

Ждала, когда закончится война красных, белых, зелёных. Потому что на эту войну забрали папу, а без него детям было очень и очень трудно.

Ждала, что уж у этого дома им, четверым детишкам, подадут корочку хлеба или хотя бы сырую картофелину. Который месяц они просят подаяние. Ходят от села к селу, от хаты к хате. Она, Христя, несёт на руках Ваню, а за ней, взявшись за руки, поддерживая друг дружку, еле-еле передвигая ноги, бредут голодные, измождённые Лиза и Поля.

Подавали, но не все. И не часто, как хотелось бы, и немного. Потому что таких нищих побирушек было не счесть. Ведь тогда был страшный голод. В иных деревнях не было жителей вообще – повымерли.

Изредка её нанимали на временную работу. Младшие сидели на окраине села и ждали её. А она ждала конца рабочего дня, надеялась, что хозяева расплатятся с ней в этот раз и тогда можно будет накормить сестёр и брата. Ибо были случаи, когда не платили, а грубо выгоняли девочку, после того, как она заканчивала работу. А то и натравливали собак.

Ждала помощи у дороги в незнакомой местности, чтобы вырыть могилку и похоронить Ваню и Лизу... Поля ещё держалась, а у самой сил не было. И оставить детские тельца родных людей под палящим солнцем не могла.

Копала могилку сама. Да какая та могилка? Так, углубление в сухой, песчаной земле на обочине дороги. Какие те силы у голодной тощей копальщицы, которая несколько раз падала в голодный обморок, пока кое-как вырыла ту ямку. Потом она же прочитала молитву за упокой душ, что сама тут же и сочинила.

Там же лежала у свеженарытого холмика и ждала собственную смерть, усердно и неистово молила прийти, забрать и её, чтобы разом прекратились все мучения, чтобы исчезло это страшное, это невыносимое чувство голода. Но настоятельно теребила за рукав Поля и просила поесть. Надо было вставать и идти искать пищу, спасти ещё одну голодную родную душу.

Если вскипятить в жестяной банке воду, бросить туда чахлые листья крапивы с мелко поломанным стеблем, то на какое-то время чувство голода исчезает. А ещё можно было ставить силки, и если сильно повезёт, и туда попадёт грач или ворон – то это уже счастье, был настоящий пир. Хотя рады были и воробью. Тогда было тоже пиршество, ни меньше. Старались варить с большим количеством воды – бульон как-никак.

Или тайком пойти в поле на чужой огород, замереть в борозде, а потом ночью нарыть из-под картофельного куста несколько клубней, то можно пережить ещё один день, если, опять-таки, растолочь картошку в собственном бульоне, сделать мутной жижкой. А потом пить её медленно, наслаждаясь, смакуя. Но уж если даст Бог впустить туда щепотку соли, бросить зубок сворованного чеснока и разлапистую запашистую веточку укропа – это райское кушанье.

Но это если не заметит хозяин, не застанет в борозде с картошкой. Кристю Бог миловал, а вот иных нищих ловили. Пощады не было.

Ждала увидеть дома папу. Но не увидела даже собственной избы: сгорела. И не дождалась отца: где-то сгинул на войне между белыми, красными, зелёными. Она до сих пор даже не знает, на чьей стороне воевал папа. И за что погиб, где похоронен и похоронен ли, тоже не знает.

Ждала, что наступит тот момент, когда можно будет вылезть из погреба, который она переоборудовала в жилую землянку, где жили Поля и Христя, и поселиться в доме. Но это ожидание затянулось на долгие годы, до её замужества.

Уже будучи замужней, чувство ожидания всё равно не покидало её. Оно вошло в жизнь и стало неотъемлемо, как дыхание.

Как себя и помнит, ждала, что вдруг и её не минет мамина болезнь. Ведь ещё с детства все говорили, что Христя – копия родной мамки. Но Господь миловал. А вот Полю не пожалел:

умерла, как и мама, от такой же болезни, оставив мужу семилетнюю дочурку и четырёхлетнего сынишку.

Ждала, что наконец-то она забеременеет. Долго, слишком долго Христя не могла родить, пока к сорока годам Бог услышал её молитвы и мольбы.

С содроганием и жутким страхом воспринимала любое, маломальское недомогание своих детишек, всё искала в них признаки маминой хвори, ждала худшего. Но снова Бог проявлял милость, и всё обходилось.

А ещё была война...

Бабушка Христя боится вспоминать войну. Война для неё – время ежеминутного, ежесекундного ожидания чего-то страшного, необратимого и неотвратного. Того, что повлияет на её жизнь самым страшным образом. Именно в войну чувства ожидания достигли самой высшей эмоциональной точки в жизни женщины. Ибо ожидания те были на грани человеческих чувств и сил. А может и за гранью. И были сродни ожиданиям в голодные годы, только может быть ещё хуже, ещё страшнее.

Как бы то ни было, а три года оккупации прошли как в страшном кошмарном сне.

А потом пришла Красная армия. Она принесла свободу, мир, но не смогла убрать чувства ожидания. Оно, ожидание, сохранилось, только чуть-чуть изменило направление, видоизменилось. Исчезло чувство страха за собственную жизнь, за жизнь ребятишек. Но продолжилось с новой утроенной силой чувство ожидания с войны мужа. Ибо ей одной поднять троих детишек в голодной, разорённой войной деревне ох, как было нелегко. Да и любила она своего Ваню.

И было ожидание счастья. Хотя умом понимала, что мирное небо над головой – это и есть самое-самое высшее счастье. Однажды познавши войну, она умела ценить мир. Чего ещё человеку надо? Не убивают, не угнетают, вокруг родные лица, родная русская речь. А вот, поди ж ты, хотелось чего-то ещё. Наверное, так устроен человек. Ему всегда хочется чуточку большего, чем имеет на сегодняшний день. И она не исключение.

Глава 2

Страсть как мечтала о счастливой жизни для своих детей. Да не только для своих. Для всех людей. Только почему-то приход счастья всё откладывался и откладывался. Не было одежды, обуви: поизносились и поистрепались за годы войны. И стол не ломился от яств. Жили впроголодь. А если честно, то иногда и голодали по нескольку дней.

А пока надо было впрягаться в плуг с такими же молодницами и тащить его, тащить, вспахивая метр за метром, сотку за соткой, гектар за гектаром одичавшую за войну колхозную землю. Падать в борозде от бессилия, от безысходности, захлёбываться слезами от горя и боли, и снова вставать и налегать тощими женскими телами на лямки. Другого выхода не было: или тащить плуг, или умереть голодной смертью.

А как она надеялась, что с приходом Красной армии станут приходить письма от мужа. Ждала. Выбегала за околицу, высматривала сельского почтальона, встречала первой. И всё напрасно: или сгинул где-то на проклятой войне, или что-то другое. Дома ждали всё понимающие детские глаза. Как тяжело было смотреть в те детские глаза...

Война закончилась, пришёл такой желанный, такой долгожданный мир. Но не было с той войны мужа: не пришёл. Но она вопреки и назло всем и всему ждала. Ждала своего Ваньку любым: раненым, инвалидом, обезображенным огнём и пламенем. Она бы... она бы... на руках носила бы его, посадила бы в красном углу и молилась бы как на икону. Излечила бы любые раны, отогрела бы, оживила бы, вдохнула бы новую жизнь в зачерствевшее в страшной бойне израненное солдатское сердце. Но мужа всё не было и не было. А она всё ждала и ждала. Как всё ждали и ждали своего папку дети. Никто не верил в плохое и страшное. Как же, закончилась самая ужасная война, а папки нет?! Такого не может быть по определению. Чужие отцы могут не вернуться с войны, а уж их – обязан прийти. Потому как он самый-самый!

«В списках погибших не значится» – приходили ответы на её запросы из одних воинских частей. «Убыл для лечения в военный госпиталь номер такой-то» – отвечали в других военных организациях. «Выписан из госпиталя такого-то в связи с выздоровлением». Всё! Там следы терялись. Что думать? Куда идти? К кому обратиться за помощью, за советом?

На второй год после войны, как раз по весне, стали доходить до Кристины слухи, что, мол, кто-то из знакомых видел вроде как её Ивана в поезде, безногим, на самодельной коляске-каталке, с таким же инвалидом побирались пьяными. Московский тот поезд, который через Смоленск ходит.

Отпросилась у председателя. Детишек оставила на попечение соседки и подруги по несчастью Люське Копровой. Она похоронку получила сразу после освобождения. Пятеро у неё детишек. Ей уж ждать некого. Только на себя надежда, да на Господа Бога.

Вот ей-то Христя своих ребятишек до кучи подсыпала.

– Пригляди, а я сбегая, поищу своего. Не мог он погибнуть. Вот тут, – она стучала себе в грудь, – чую, что живой он, живой. Я ж его знаю: шустрый он у меня, живучий. Только стеснительный больно и нерешительным иногда бывает. Его в такие моменты подтолкнуть надо, надоумить. Может чего случилось, помощь моя нужна. Может, кто с пути праведного сбил, а я тут прохлаждаюсь с тобой.

– Ага, ага, я тебе и поверила, – понимающе улыбнулась соседка. – Немцу голову свернули наши мужики, и вдруг стеснительными да кроткими стали что агнцы. С каких это пор? Хотя... может и твоя правда. Езжай, Христя, – а сама кинулась к подруге, обняла, разрыдалась. – Я бы... я бы... на край света, пешком, ползком, на карачках, только если бы живой был где.

– А я вот чую, что жив мой Ванюша, жи-и-и-ив!

– Дай-то Бог!

Всей деревней снаряжали Кристину, чтобы не так стыдно. Одеть-то не было чего, так, тряпье одно. Вот и пришлось всем селом одёжку-то. Да и с едой та же картина: что взять с собой в дорогу, если в доме шаром покати? Подполом лежало с ведро картошки мелкой – оставила соседке на прокорм детям. Больше не было чего оставлять. А уж с собой взять? Спасибо, председатель сжалился, приказал колхозному кладовщику фунт сухарей ржаных выделить в счёт будущих трудодней. Вот с ними-то и поехала. Правда, детишкам отсыпала чуток. Для них сухари – лакомство.

Там, в области, нанялась временно мыть посуду в столовке для мобилизованных строителей, что восстанавливали железнодорожный узел, убираться в ней. Не сыта, но и с голоду не померла.

Там же, на вокзале в Смоленске, расспрашивала милиционеров, работников железной дороги. Да к любому встречному обращалась, интересовалась мужем.

Видели, говорят, есть такое дело. Только не двое тут, а человек около десяти таких. А может и больше. И все они безногие да на колясках и с костылями. Кто их считал? Меняются каждый день: одни уезжают, другие приезжают. Документов никто у них не спрашивает. Какие могут быть справки-бумажки? Безногие, безрукие, коляски, костыли, груди в орденах и медалях – вот и все документы. Мол, милостыню соберут по вагонам, а потом в местной забегаловке, что за углом вокзала, в скверике, заливают горькой свою боль, обиду и горе. Песни жалостливые поют, плачут, матерятся. А спать ползут к Ваське-матросу. Есть тут такой местный фронтовик, тоже инвалид. Там у него и собираются.

Четверо суток Христя ждала, выискивала своего Ваньку. Уверовала, что здесь он, здесь, среди страдальцев. Только ещё не подъехал. Где-то в поездах милостыню просит.

На пятые сутки состоялась долгожданная встреча.

Она в тот день, умаявшись после мытья посуды, прикорнула у разрушенного здания вокзала и не сразу заметила, когда пришёл очередной поезд. Разбудили людские голоса, крики торговков.

– Картошка! Картошка! Варёная картошка!

– Пирожки с капустой! Кому пирожки с капустой?

– Папиросы! Папиросы! Кому папиросы? Фронтовикам одну папиросу бесплатно!

– Костюм, кому костюм? Из Германии, заграничный. Из гардероба самого Гитлера! А может и не Гитлера, но всё равно из его бункера!

Подхватившись, Христя стала пробираться сквозь толпу снующего туда-сюда народа. И, как всегда, внимательно всматривалась во встречных людей, свято надеясь увидеть и узнать своего Ваню. Старалась никого не пропустить: в такой толчее не мудрено и самой затеряться, не то, чтобы найти кого-то. Всматривалась в лица, хотя знала, в мыслях ни единожды, а много-много раз отыскивала Ивана внизу, там, где и должен находиться безногий инвалид на коляске. Ведь ей так сказали. А вот сегодня почему-то забыла об этом, смотрела на лица. Может, оттого, что со сна? Заспала?

Она споткнулась вдруг, вскрикнула, успев тут же извиниться за свою неуклюжесть:

– Ой, простите ради Христа! – и не увидела перед собой никого, кому бы она создала неудобства.

– Смотреть надо! – отозвался мужской голос снизу. – Ходят здесь всякие, понимаешь, красавицы.

Только тогда Христя глянула под ноги, опомнилась, залебезила:

– Прости, касатик, бабу деревенскую, извиняй, ради Бога.

Перед ней сидел пристёгнутый к каталке мужчина в телогрейке защитного цвета, поверх которой в два ряда висели боевые награды. За спиной инвалида горбилась котомка – солдатский сидор. Красивое, чисто выбритое лицо светилось, глаза излучали неподдельную радость, губы расплылись в приветливой улыбке. Копна пышных нечесаных волос шевелилась от лёг-

кого дуновения ветра. На обрубках ног лежали две деревяшки, которыми инвалид обычно отталкивается при езде на колясках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.